

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Н. Н. БЕЛОЗЕРОВА

ЭКОЛИНГВИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

АННОТАЦИЯ: *Отталкиваясь от задач и гипотез, выдвинутых в ходе работы над проектом «Проведение научно-исследовательских работ в области экологии языка и смежных наук», автор рассматривает возможности применения теории «семантического пересечения» Ю. М. Лотмана и теории деконструктивизма Ж. Дерриды для определения степени допустимости различных видов дискурсивной манипуляции.*

SUMMARY: *Starting with the objectives and hypotheses put forward in the process of implementation the project “Conducting research in the field of ecology of language and related sciences”, the author considers the possibility of applying the theory of “semantic intersection” by Yu. Lotman and Derrida’s theory of deconstruction to determine how far it is possible to admit various types of discursive manipulation.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *экология языка, семантическое пересечение, мудрое безумие, деконструкция, корпусный подход.*

KEY WORDS: *ecology of the language, semantic intersection, wise folly, deconstruction, corpus approach.*

Данная конференция проводится в рамках проекта ФЦП 1.1.1. Проведение научно-исследовательских работ коллективами научно-образовательных центров. Тема проекта: «Проведение научных исследований в области экологии языка и смежных наук» (шифр заявки «2010-1.1-304-020-018»). Конференция подводит итоги работы над темой на третьем и четвертом этапах.

Объектами исследования на четвертом этапе сохранились: *эколингвистические концептуальные модели дискурсивного поведения в различных коммуникативных средах.*

Предмет исследования: языковые, дискурсивные и концептуальные саморегуляции и инверсии, обусловленные функционированием языка в различных коммуникативных средах.

Материалом исследования явились разнообразные корпусы языковых единиц различных уровней, включая тексты, отражающих дискурсивное поведение в различных коммуникативных средах.

Цель работы на четвертом этапе: внедрение в исследовательскую и преподавательскую практику комплексной междисциплинарной методологии исследования проблем, связанных с экологией языка, дискурсов и культурой в различных коммуникативных средах и создание тем самым условия для формирования экологической культуры населения и осознания имманентности природы и человека. Основная гипотеза, разрабатываемая на четвертом этапе, связана с феноменом языковой нормы и с этическими аспектами языка.

В связи с этой гипотезой, говоря об экологии языка, нельзя обойти аспекты нормативности, которые затрагивают все типы дискурсов. Одним из вопросов, которые мы пытаемся решить это степень допустимости в дискурсе сквернословия, инвектив, а также дискурсивной игры, находящейся на грани допустимого. При этом основным фокусом является соотношение эксплицитного и имплицитного.

В начале работы над проектом была заявлена следующая методология исследования:

- 1) семиотический подход к явлениям языков и дискурсов;
- 2) когнитивное моделирование дискурсов;
- 3) методы и подходы корпусной лингвистики;
- 4) категориальный анализ.

На первой международной конференции, посвященной экологии языка, было продемонстрировано несколько подходов в рамках когнитивного моделирования. Так, К. А. Андреева представила модели фрактального анализа художественного дискурса¹, нами была представлена концептуальная модель для проведения научно-исследовательских работ в области экологии языка и смежных наук². Категориальный анализ был успешно апробирован Н. Г. Кантышевой при анализе терминологической системы «экологический аудит»³.

В настоящем сообщении мы демонстрируем возможности семиотического и корпусного подходов к явлениям языков и дискурсов.

Из множества семиотических подходов и теорий мы остановимся на разработанных методиках Ю. М. Лотмана и Ж. Дерриды. Среди семиотических построений Ю. М. Лотмана мы выбираем его теорию *семантического пересечения как смыслового взрыва*, которая была им обоснована в работе «Культура и взрыв» (1992).

Ю. М. Лотман связывает семантическое пересечение и последующий смысловой взрыв с метафоризацией (метафоризмом. — Ю. М. Лотман). В своей книге он отмечает, что *«любое смысловое пространство только метафорически может быть представлено как двумерное с четкими однозначными границами. Реальнее представить себе некую смысловую глыбу, границы которой образуются из множества индивидуальных употреблений.Пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл, связаны с индивидуальным сознанием.... Предельной является в данном случае метафора, принципиально новаторская, оцениваемая носителями традиционного смысла как*

¹ Андреева К. А. Современные технологии текстового анализа — в теорию и практику // Экология языка на перекрестке наук: материалы Междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 6–12.

² Белозерова Н. Н. Концептуальная модель для проведения научно-исследовательских работ в области экологии языка и смежных наук // Экология языка на перекрестке наук: материалы Междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 12–29.

³ Кантышева Н. Г. Моделирование терминосистемы «Экологический аудит» и ее описание в системообразующем глоссарии. АДК, Тюмень 2011.

*незаконная и оскорбляющая их чувство разума, эта шокирующая метафора — всегда результат творческого акта»*¹ (Лотман, 35–36).

У Жака Дерриды мы останавливаемся на его теории «деконструкции». В своих работах (*Of Grammatology. Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences, The Languages of Criticism and the Sciences of Man, Writing and Difference*) он определил содержание термина «деконструкция» как одного из интерпретационных механизмов письменных текстов. В рамках деконструктивизма все тексты рассматриваются как сложный исторический и культурологический процесс, обусловленный взаимоотношениями текстов друг к другу, а также к общественным институтам и конвенциональным установкам, вырабатывающим правила письменной речи

этим обратимся к ряду основных положений его концепции, необходимых для понимания содержания термина «деконструктивная».

1. Историзм. Исторический подход деконструктивизма определяется тенденциями к этимологическому анализу, обращению к корням, часто к метафорическим значениям слов, чтобы понять, как они, будучи частью текста и текста в тексте, функционируют внутри всеобъемлющей сети сходства и различия (*différance*).

2. Структура знака и метонимическая цепочка. Деррида оспаривает Соссюровский концепт о бинарной структуре знака (соотношение *обозначаемого* и *обозначающего*). Согласно теории Дерриды, *обозначающее* всегда становится *обозначаемым* в другой системе. В результате в самом знаке нельзя обнаружить значение, поскольку оно всегда *рассеяно, подчиняется другому значению и отложено*. Если брать текст, то все обозначающие являются *недостаточными* (дефектными). Любое обозначающее содержит следы другого обозначающего, что составляет сущность метонимической цепочки².

3. Концепт *différance*. Содержание термина *différance* у Дерриды характеризуется двойственностью: знаки *различаются* (*differ*), то есть познаются через различия и знаки *принадлежат ко всему понятийному полю, при подчинении всем элементам этого поля* (*defer*), то есть познаются через общие характеристики. Основными положениями концепции Дерриды являются утверждения, что (1) *в центре существования стоит различие (*différance*), а не сущность*, (2) *знаки могут представлять значения только через *différance* (различие + общие характеристики)*. В отличие от Соссюра, который рассматривал только лингвистический знак, Деррида расширил область применения *différance*. Согласно его концепции, принцип *différance* является онтологическим и поэтому может рассматриваться как философская основа для изучения когнитивных процессов. Он также счел возможным использовать этот принцип при интерпретации художественных текстов, заложив основу метода деконструктивизма.

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв М.: Гнозис; Издат. группа «Прогресс», 1992. С. 35–36.

² Derrida, Jacques. *De la Grammatologie*. Paris: Les éditions de Minuit, 1967. *Of Grammatology*. Translated by Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.

4. Концепт текста. Каждый текст представляет собою двойственный текст или ряд текстов. С философской стороны¹ он может быть понят при помощи классической интерпретации (пересказ, парафраз, анализ идей, заложенных в нем; говоря терминами Гальперина, он может быть понят при извлечении СФИ и СКИ, то есть содержательно-фактуальной информации и содержательно-концептуальной информации). С другой стороны, он также содержит следы других текстов, которые невозможно обнаружить при классической интерпретации. Любой текст для наиболее адекватного декодирования требует «*деконструктивного*» чтения, которое зиждется на принципе *différance*, на анализе сходств и различий, уходящих зачастую в глубину веков.

Кроме того, поскольку мы рассматриваем случаи дискурсивного цинизма остановимся на нескольких параметрах комического, предложенных Дж. Фаулером и играющих важную роль при анализе семантических пересечений.

Функциональные параметры Фаулера позволяют выявить все случаи «семантических пересечений» (Ю. М. Лотман)², которые возникают при дискурсивном инвективном цинизме.

Мы рассмотрим феномен дискурсивного цинизма на примере художественного текста, с точки зрения структуры героя (Hamlet, Shakespeare, Act 3).

Текст 1³

HAMLET SHAKESPEARE	TRADUCTION PAR V. HUGO
<i>King. Now Hamlet, where's Polonius?</i> <i>Ham. At supper.</i> <i>King. At supper! where?</i> <i>Ham. Not where he eats, but where he is eaten: a certain convocation of politic worms are e'en at him. Your worm is your only emperor for diet: we fat all creatures else to fat us, and we fat ourselves for maggots: your fat king and your lean beggar is but variable service,—two dishes, but to one table: that's the end.</i>	LE ROI — Eh bien! Hamlet, où est Polonius? HAMLET — A souper. LE ROI — A souper! Où donc? HAMLET — Quelque part où il ne mange pas, mais où il est mangé: une certaine réunion de vers politiques est attablée autour de lui. Le ver, voyez-vous, est votre empereur pour la bonne chère. Nous engraissons toutes les autres créatures pour nous engraisser et nous nous engraissons nous-mêmes pour les infusoires. Le roi gras et le mendiant maigre ne sont qu'un service différent, deux plats pour la même table. Voilà la fin.

¹ Объектом исследования Дерриды были философские тексты.
² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издат. группа «Прогресс», 1992. С. 35.
³ Варианты перевода на русский язык:

1. Король: Ну, Гамлет, где Полоний?
Гамлет: На ужине.
Король: На ужине? Где?

Гамлет: Не там, где он ест, а где его едят. Вокруг него собрался съезд политических, червей. А в смысле еды ведь червь наш могущественнейший государь: мы откармливаем разных животных, чтоб самим откормиться, а себя мы откармливаем для белых червей. И жирный король и тощий нищий — только два разных угощения, два разных блюда, но подаются они к одному и тому же столу. Вот и конец.

HAMLET SHAKESPEARE	TRADUCTION PAR V. HUGO
<i>King. Alas, alas!</i>	LE ROI — Hélas! hélas!
<i>Ham. A man may fish with the worm that hath eat of a king, and eat of the fish that hath fed of that worm.</i>	HAMLET — Un homme peut pêcher avec un ver qui a mangé d'un roi, et manger du poisson qui s'est nourri de ce ver.
<i>King. What do you mean by this?</i>	LE ROI — Que veux-tu dire par là?
<i>Ham. Nothing but show you how a king may go a progress through the guts of a beggar</i> (W. Shakespeare "Hamlet", Act IV, sc. II, p. 1135–1136)	HAMLET — Rien. Je veux seulement vous montrer comment un roi peut faire un voyage à travers les boyaux d'un mendiant. (traduit par Victor Hugo)

Здесь мы рассмотрим этот текст как (1) пример дискурсивного цинизма (2) с точки зрения теории семантического пересечения как смыслового взрыва.

Данный текст представляет собою шокирующую метафору, «незаконную и оскорбляющую чувства разума». Если мы посмотрим на функциональные параметры комического (дискурсивного цинизма), характерные для данного текста, то увидим, что они одновременно принадлежат и к инвективе и к иронии и к цинизму. То есть возникает именно то семантическое пересечение и та шокирующая метафора, которые приводят к смысловому взрыву. См. в таблице 1 выделенные параметры.

По цели высказывания этот текст является дискредитацией элиты (инвектива + ирония). Областями осмеяния является обман (обман Клавдия, обман самого Гамлета) и факты, связанные с посмертным путешествием короля по кишкам нищего и высокая мораль, налагающая запрет на область низменного (инвектива + ирония + цинизм).

Король: Увы, увy!

Гамлет: Человек может поймать рыбу на червяка, съевшего короля, и съесть рыбу, которая съела этого червяка.

[Уильям Шекспир: Гамлет (пер. А. Д. Радловой), с. 171. Шекспир: собрание сочинений, с. 5467 (ср. Шекспир: ПСС т. 5, с. 595)]

2. Король: Гамлет, где Полоний?

Гамлет: На ужине.

Король: На ужине? На каком?

Гамлет: На таком, где ужинает не он, а едят его самого. Сейчас за него уселся синклит червей со всей земли. Червь, что ни говори, единственный столп всякого истинного порядка. Мы откармливаем всякую живность себе в пищу и откармливаем себя в пищу червям. Возьмете ли толстяка-короля или худобу-горемыку — это только два блюда к столу, два кушанья, а суть одна.

Король: Увы! Увы!

Гамлет: Можно вытащить рыбу на червяка, пообедавшего королем, и пообедать рыбой, которая проглотила этого червяка.

Король: Что ты хочешь этим сказать?

Гамлет: Ничего, кроме того, что король может совершать круговые объезды по кишкам нищего.

Король: Где Полоний?

[Уильям Шекспир: Гамлет (пер. Б. Л. Пастернака), с. 159. Шекспир: собрание сочинений, с. 5714 (ср. Шекспир: Собр. соч. т. 8, с. 133–134)]

Семантическое пересечение Текста 1

Тип комического	Причина, цель	Область осмеяния	Механизм	Целевая аудитория
<i>Инвектива</i>	<i>Дискредитация</i>	<i>обман</i>	<i>вербализация</i>	<i>Широкая публика</i>
<i>Ирония</i> <i>Ironie</i>	<i>Элита, привилегированные</i>	<i>Вербализация факты</i>	<i>мистификация</i>	<i>Избранная, отдельные личности</i>
<i>Цинизм</i>	<u><i>Самооправдание, апология</i></u>	<i>мораль</i>	<i>Экспозиция, Открытая демонстрация</i>	респектабельная

Дискурсивными механизмами являются *вербализация* (а не *демонстрация*), *мистификация* (присутствие Полония, убитого Гамлетом по ошибке, на ужине, где едят его самого), и *экспозиция*, то есть демонстрация низменного (инвектива+ирония+цинизм). Целевой аудиторией является *избранная отдельная личность* (король-узурпатор и манипулятор) и респектабельная публика, в данном случае. Король и Розенкранц (ирония + цинизм). Отсутствие такого параметра как *самооправдание* связано со структурой Гамлета, с той маской сумасшедшего или колпаком шута, что он время от времени цепляет на себя.

Для пояснения мы воспользуемся функционально-семиотическими и структурными характеристиками маски сумасшедшего в художественном тексте, которые обосновал Ю. М. Лотман в книге «Культура и взрыв»:

«Бинарное противопоставление дурака и сумасшедшего может рассматриваться как обобщение двух: дурак — умный и умный — сумасшедший. Вместе они образуют одну тернарную структуру: дурак — умный — сумасшедший... Третий элемент системы — безумное поведение, поведение сумасшедшего. Оно отличается тем, что носитель его получает дополнительную свободу в нарушении запретов, он может совершать поступки, запрещенные для “нормального” человека. Это придает его действиям непредсказуемость. Последнее качество, разрушительное как постоянно действующая система поведения, неожиданно оказывается весьма эффективным в моменты остро-конфликтных ситуаций». (65)

Ю. М. Лотман отмечает, что *«Непредсказуемость действий эффективна потому, что выбивает противника из привычных ему ситуаций».* (66)....

Особую роль при столкновении поведенческих моделей умного, дурака и сумасшедшего играет «эффект обманутого ожидания»:

«...хитрец прибегает к оружию неожиданности, создавая обстановку, в которой стереотипное поведение оказывается бессмысленным и неэффективным. Ситуация эта повторяется при столкновении “нормального” с сумасшедшим. “Дурак” имеет меньшую свободу, чем нормальный, “сумасшедший” — большую. Его действия приобретают непредсказуемый характер, что ставит его “нормального” противника в ситуацию беззащитности». (67).

В этом отношении ситуация в трагедии Гамлет предлагает столкновение «нормальных» противников (короля Клавдия, Полония), «одурачиваемых» противников (Розенкранц, Гильдерстерн, Полоний), и Гамлета, нормального героя, действующего в маске сумасшедшего¹ что приводит к многочисленным смысловым пересечениям и взрывам в ходе развития действия. Дискурсивное поведение Гамлета соответствует поведению «сумасшедшего» героя с его основным свойством — непредсказуемостью. Основная риторическая фигура Шекспира в диалогических сценах с участием Гамлета — парадокс², кажущееся противоречие, стилистический эффект которого есть «эффект обманутого ожидания».

В анализируемом эпизоде этот эффект связан с теми скрытыми (имплицитными) смыслами, возникшими при употреблении Шекспиром лексемы WORM/WORMS. Выборка по всему корпусу текстов Шекспира³ показывает, что из сорока шести случаев употребления лексемы в единственном числе в десяти случаях слово употребляется в значении «могильный червь», из 27 случаев употребления во множественном числе этих случаев насчитывается 17. Из других значений этой лексемы⁴ в текстах Шекспира реализуются следующие значения: червяк плодовый, светляк, шелкопряд, змея и ничтожный человек. Обращает на себя внимание, что во всех случаях употребления, даже в руга-

¹ Генезис этого мотива следующий: (1) Горацио пытается отговорить Гамлета от беседы с призраком отца из-за боязни, что это может свести его с ума (*And there assume some other horrible form\Which might deprive your sovereignty of reason,\And draw you into madness?[Shakespeare-Riverside, Act 1, sc. 1149]*) (2) В сцене клятвы после встречи с призраком Гамлет впервые говорит о возможности своего неадекватного поведения на публике (*How strange or odd some'er I bear myself -.\As I perchance hereafter shall think meet\To put an antic disposition on -[Shakespeare-Riverside, act I, sc. V p. 1151]*)

² Чрезвычайно распространенная в риторике позднего Возрождения, начиная с трактатов Э.Роттердамского

³ *Shakespeare*. Шекспир Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK — 0600(C) 2003 Мультимедиа-издательство «Адепт»

⁴ 1 worm \ˈwɜrm\ *n*, often attrib, [ME, fr. OE *wyrm* serpent, worm; akin to OHG *wurm* serpent, worm, L *vermis* worm] (bef. 12c)

1 **a** : earthworm ; *broadly*: an annelid worm **b** : any of numerous relatively small elongated usu. naked and soft-bodied animals (as a grub, pinworm, tapeworm, shipworm, or slowworm)

2 **a** : a human being who is an object of contempt, loathing, or pity : wretch **b** : something that torments or devours from within

3 *archaic*: snake serpent

4 : helminthiasis — usu. used in pl.

5 : something (as a mechanical device) spiral or vermiculate in form or appearance: as **a** : the thread of a screw **b** : a short revolving screw whose threads gear with the teeth of a worm wheel or a rack **c** : archimedes' screw ; *also*: a conveyor working on the principle of such a screw

6 : a usu. small self-contained and self-replicating computer program that invades computers on a network and usu. performs a destructive action — worm-like \-ˈlīk\ *adj* (Britannica DELUXE 2008)

тельствах, кроме анализируемого эпизода, значение «могильный червь», передает характерное для средневекового сознания отношение ужаса¹ (*Most shallow man! thou worm's-meat; Gilded [tombs] do worms infold; men have died from time to time, and worms have eaten them, etc*). Только в этом эпизоде наблюдается трагестивирование, ироническое снижение ужасного при наличии функциональных параметров, характерных для фигуры цинизма (см. таблицу выше).

Немалую роль в этом снижении сыграли те имплицитные смыслы, которые возникли, благодаря добавлению эпитета «*politic*» («*politic worms*»), лексемы *convocation* из семантического поля «политика» (*a certain convocation of politic worms are e'en at him*), лексемы *emperor*, а также игры смыслами во фразе (*Your worm is your only emperor for diet:*). Изотопия, возникшая таким образом, неожиданно привела к параллели между зловещим ужином могильных червей, которые, вероятно, уже атаковали тело убитого Полония, и генеральной ассамблей епископов и политиков, созванной императором Римской империи Карлом V в 1521 г. в г. Вормсе (Германия), на которой был публично предан анафеме Мартин Лютер за свои 95 тезисов, направленных против католицизма. За этим событием в Англии и в английском языке, соответственно, закрепилось терминологическое словосочетание «*The Diet of Worms*»², где слово *Diet* обозначает генеральную ассамблею, а *Worms* — древний европейский город на юге Германии³. Все это событие, представленное через игру слов-омонимов и смыслами (*politic worms* = *политические ничтожества*; *politic* = *изворотливый*, *emperor* = *властелин, император*) вероятно, было политической аллюзией, актуальнейшей для Елизаветинской Англии⁴. Для других (последующих) культур оно не обладало такой же степенью актуальности, о чем свидетельствуют переводы эпизода на французский и русский языки, где не сохранились ни аллюзия, ни игра смыслами шекспировского текста. Даже в переводе на немецкий язык Августа и Фридриха Шлегелей эта политическая аллюзия отсутствует⁵. Отсутствие подобной аллюзии объясняется и чисто языковой причиной — только в английском языке возможна омонимия слов *Diet* в значении

¹ См. подробнее, текст Steven Connor «A Certain Convocation of Politic Worms A talk given at the Institute of Contemporary Arts, London, 23 April 2010 [<http://www.steven-connor.com/worms/worms.pdf>]

² The Diet of Worms (*Reichstag zu Worms*) was a general assembly (a *Diet*) of the estates of the Holy Roman Empire that took place in Worms, a small town on the Rhine River located in what is now Germany. It was conducted from January 28 to May 25, 1521, with Emperor Charles V presiding. [http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Diet_of_Worms] — Фраза омоним обозначает «Диета червей».

³ Где была напечатана переведенная на английский язык библия Тиндейла (Tyndale).

⁴ См. например, независимое исследование politicworm Shakespeare authorship в блоге [<http://politicworm.com/>].

⁵ HAMLET Nicht wo er speist, sondern wo er gespeist wird. Eine gewisse Reichsversammlung von politischen Würmern hat sich eben an ihn gemacht. So 'n Wurm ist Euch der einzige Kaiser, was die Tafel betrifft. Wir mästen alle andern Kreaturen, um uns zu mästen, und uns selber mästen wir für Maden. Der fette König und der magre Bettler sind nur ver-

«генеральная ассамблея» и *diet* в значении «диета», а также *Worms* как наименование города и *worms* в значении «черви» и «ничтожества».

И, все-таки, какая связь между мужественным поведением Мартина Лютера во время генеральной ассамблеи и телом убитого по ошибке Полония? Взаимосвязь между фигурой Мартина Лютера и трагедией «Гамлет» неоднократно была предметом размышлений исследователей творчества Шекспира¹. Причиной подобного размышления стал эпизод из первого действия, где королева просит Гамлета не ездить в Виттенберг. Гамлет у Шекспира — принц-студент. Виттенбергский университет — это тот университет, где были обнародованы 95 тезисов Мартина Лютера, и где Мартин Лютер преподавал. В протестантской (англиканской) Англии реформатор Мартин Лютер был личностью почитаемой. С фигурой Полония тема Лютера и суда над ним связана через одного из его прототипов. — Уильям Сесил, Лорд Бергли (Lord Treasurer, and Principal Secretary William Cecil, Lord Burghley)², искусный политик и одна из ключевых фигур при дворе королевы Елизаветы I, послужил, по мнению критиков, одним из основных прототипов для создания образа Полония³. Одной из его политических максим был отказ от политики толерантности относительно католической церкви и католиков. В этом плане он был наиболее последовательным сторонником протестантизма и идей Мартина Лютера. Именно через фигуру Уильяма Сесила, одного из прототипов Полония, возникло в тексте то «семантическое пересечение» и «смысловый взрыв». Это семантическое пересечение оказалось параллельным фигуре «цинизма», связанной с замещением высокого низменным и с шокирующей метафорой о путешествии короля по кишкам нищего. Даже при исчезновении этой параллели в переводных текстах и смысловой взрыв и шокирующая метафора доминируют.

В любом случае, волей Шекспира у Гамлета в данной сцене была свобода, данная ему маской сумасшедшего, напугать и шокировать короля-узурпатора при помощи скрытой инвективы, иронии и цинизма. При этом возникшие при метафорическом пересечении смыслы о превращении высокого в низменное не только полностью поставили противника (Клавдия) в ситуацию незащитности, но и полностью вписались в возрожденческую эпистему с ее доминантой единения противоположных начал.

Дискурсивный цинизм представляет собою многокомпонентное явление, семантическое пересечение при котором обусловлено пересечением дискурсивных параметров таких типов комического, как инвектива, ирония, остроумие, цинизм и сардоническое.

schiedne Gerichte; zwei Schüsseln, aber für eine Tafel: das ist das Ende vom Liede. [http://www.william-shakespeare.de/hamlet/hamlet4_3.htm].

¹ См. например, Sohmer, Steve. Certain Speculations on Hamlet, the Calender and Martin Luther // EMLS — Early Mordern Literary Studies 2.1, April 1996; 5.1-51.

² 1521–1598.

³ http://en.wikipedia.org/wiki/William_Cecil,_Lord_Burghley; <http://en.wikipedia.org/wiki/Polonius>.

Семантическое пересечение обусловлено поэтикой низа, семантическими фигурами сумасшедшего, изменением точки зрения и различными масками, проявляющимися как на уровне категории автора, так и на уровнях категорий персонажа и адресата. С методологической точки зрения, принцип одновременного сходства и различия, этимологический анализ, метонимическая цепочка способствовали деконструкции смыслов. Возможности семиотического и корпусного подходов в эколингвистике фактически безграничны.

Л. В. Кушнина

ЭКОСИСТЕМА ПЕРЕВОДА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИНЕРГИИ СМЫСЛОВ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ КУЛЬТУР

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается новое направление современного переводоведения — экология перевода. Вводятся понятия экосмысл, экологические скрипты, экосистема, которые расширяют авторскую концепцию переводческого пространства.

SUMMARY: The article considers a new tendency in modern translation theory — ecological translation. It introduces the concepts of ecosense, ecological scripts, ecosystem which broaden the author's theory of translation space.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, переводческое пространство, гармония, синергетика, экосистема.

KEY WORDS: translation, translation space, harmony, synergy, ecosystem.

Синергетическая трактовка перевода, выдвинув проблему гармонизации смыслов текстов и дискурсов, принадлежащих к различным взаимодействующим лингвокультурам, позволила интегрировать идеи синергетики, лингвистики, лингвокультурологии, переводоведения и других современных научных направлений. Интерес, проявляемый в настоящее время к экологии человека, экологии культуры, экологии языка, и др., не может не найти отклика в трактовке самого процесса перевода, который рассматривается в наших работах как сложная система транспонирования имплицитных и эксплицитных смыслов: личностных и межличностных, текстуальных и интертекстуальных, дискурсивных и интердискурсивных. В связи с этим встает вопрос о создании отдельного научного направления — экологии перевода.

Наше внимание привлекла монография Н. Н. Белозеровой «Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы» (Белозерова 2010). Ученый исследует коммуникативную среду Интернет как живую растущую экологическую систему, включающую в себя множество подсистем с характерными для живого вещества фазами развития. При этом каждая экосистема имеет свой доминантный компонент: для экологии информации — безопасность, для экологии культуры — презервация упорядоченного пространства и поведения, для экологии сознания — способ осознания себя в мире, для экологии языка — окружающая среда, приравненная к социуму.